

А. Ю. Борисенко ¹, Ю. С. Худяков ^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@mail.ru

ТРАДИЦИИ ПЕРЕОФОРМЛЕНИЯ ОРУЖИЯ У НАСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ) *

В статье рассматриваются случаи переоформления предметов защитного и наступательного вооружения как местного производства, так и привозных, у населения Хакасско-Минусинской котловины от средневековья до современности. Проведен детальный анализ предмета, переоформленного из кинжала (так называемого бевута) российского производства начала XX в. (найден в долине р. Абакан). Эта находка свидетельствует о том, что традиция переоформления вышедших из употребления или сломанных предметов вооружения бытовала на данной территории и в этнографической современности.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, защитное вооружение, панцири, шлемы, сабли, кинжалы.

Предметы вооружения не только служат важным вещественным источником для анализа отдельных видов оружия, всего комплекса вооружения и возможностей их применения в боевых условиях, но и нередко используются для оценки уровня развития металлургии и металлообработки в древних и средневековых обществах. Оружейное ремесло, со времени своего выделения в сфере производства металлических изделий, стало одним из основных полигонов для технических новаций. Благодаря высоким требованиям к качеству производства предметы наступательного и защитного вооружения изготавливались из наиболее качественных для своего времени сортов металла, поскольку от эффективности его применения непосредственно зависела жизнь воинов [Худяков, 1990. С. 8; 1995. С. 23].

Из высокоразвитых центров оружейного ремесленного производства, расположенных в странах Среднего и Дальнего Востока, распространялись, в первую очередь, изделия оружейников, вслед за которыми осваивались новые технологии обработки металлов. Нередко оружие производилось в

ремесленных центрах и вывозилось в качестве дани правителям кочевых империй. Известно, что на рубеже раннего средневековья древние тюрки во главе с правящим родом Ашина, переселенные жужаньскими каганами на «южную сторону Алтайских гор», изготавливали для своих сюзеренов железные изделия, которые поставляли в качестве дани. Жужаньский каган Анахуань считал вассального древнетюркского правителя Бумына своим «плавильщиком» [Бичурин, 1950. С. 221, 228]. В период существования Первого Тюркского каганата в государстве енисейских кыргызов оружейники изготавливали «ножи и мечи» из «железа небесного дождя», которое по своим свойствам отличалось от обычного железа. Изделия из этого металла высоко ценились и поставлялись в качестве дани древним тюркам [Кюннер, 1961. С. 59]. Вероятно, сами енисейские кыргызы получали железные изделия в качестве податей от зависимых племен – кыштымов. Известно, что в позднем средневековье поставщиками оружия и других изделий из железа енисейским кыргызам на Среднем Енисее были шорские кузнецы, находившиеся на положении кыш-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-00434а).

тымов в кыргызских княжествах. Они славились своим умением «выделывать из железа различное холодное оружие и воинские доспехи». Эти поставки оружия имели первостепенное значение для развития военного дела в кыргызских княжествах. Поэтому «московские государи неоднократно отдавали указы, запрещающие шорцам снабжать этими предметами» кыргызов, джунгаров и телеутов «как путем торговли, так и в виде уплаты дани – алмана». В частности, в 1641 г. шорцам, находившимся на положении ясачных в Русском государстве, было предписано, «чтоб они, ясачные люди, куяков и шапок железных, и копий, и рогатин, и никакой ратной збруи черным и белым калмыкам, и киргизским, и саянским людям не продавали и на скотину не меняли» [Потапов, 1957. С. 20]. В начале XVIII в. эти запреты стали одной из причин того, что кыргызские княжества оказались не в состоянии сопротивляться русскому продвижению и были вынуждены, по повелению своего сюзерена джунгарского контайши, переселиться в Джунгарию [Там же. С. 161].

Богато украшенное, дорогое парадное оружие – луки в налучьях, стрелы в колчанах, копьа со знаменами и бунчуками, палаши и сабли, шлемы и панцири, являлись отличительными атрибутами средневековых правителей кочевых государств Центральной Азии. Они использовались в качестве дипломатических даров при исполнении посольских миссий. Такие вещи привозились в Центральную Азию и Южную Сибирь согдийскими, а вслед за ними бухарскими купцами и охотно приобретались военачальниками и знатными воинами [Худяков, 1997. С. 11, рис. 1]. В раскопанном в Горном Алтае кургане древнетюркского воина на памятнике Джолин I был обнаружен железный палаш с чеканенной золотом согдийской надписью, изготовленный в одном из городских ремесленных центров средневекового Согда [Кубарев, 1992. С. 32; Лившиц, 1998. С. 282]. В кыргызском кургане на памятнике Улуг-Хорум в центральной Туве была найдена сабля, изготовленная в одной из оружейных ремесленных мастерских в странах Ближнего Востока, с клинком из дамасской стали, по обеим сторонам которого была чеканена надпись арабским куфическим шрифтом [Грач и др., 1998. С. 26]. Еще один, сохранившийся не полно-

стью, палаш с чеканенной золотом надписью был найден в разрушенном кыргызском захоронении в местности Нахиугийн Манхан в пустыне Монгол Элс, расположенной южнее озера Хяргяс Нуур в Северо-Западной Монголии [Худяков, Баяр, 1992. С. 36–44]. В позднем средневековье монгольские и джунгарские ханы и военачальники носили богато украшенные парадные доспехи и боевые наголовья. Парадные монгольские шлемы, попавшие в разное время в коллекцию оружия Царскосельского арсенала, сохранились до настоящего времени в собрании Государственного Эрмитажа [Бобров, Худяков, 2006].

Не удивительно, что предметы вооружения, изготовленные из высококачественного металла, в древности и средневековье очень высоко ценились. Даже в случаях повреждения, или поломки рабочих и несущих частей, они чинились или переоформлялись в функционально близкие и даже иные изделия. В этих случаях сохранившиеся части поломанных предметов служили исходным материалом для новых вещей.

В Минусинской котловине подобные переоформленные предметы неоднократно фиксировались в составе предметного комплекса культур енисейских кыргызов и разных этнических групп кыштымов, относящихся к развитому и позднему средневековью. Как правило, поврежденные предметы вооружения стремились починить таким образом, чтобы не ослабить наступательную или защитную функцию. Например, в кыргызском кургане с захоронением по обряду кремации на горизонте, исследованном в 1970-х гг. одним из авторов на могильнике Терен-хол в долине р. Табат на юге Минусинской котловины, была обнаружена железная панцирная пластина от доспеха ламеллярной конструкции. Пластина прямоугольной формы с горизонтальным верхним и скругленным нижним краями была сломана пополам. Первоначально на ней имелись три округлых отверстия вдоль верхнего края, две пары отверстий в середине и два отверстия у нижнего края. После того как пластина была сломана, ее попытались починить, для чего пробили в центральной части три дополнительных отверстия. У этих отверстий не были заглажены заусеницы, образовавшиеся в результате действия пробойника [Худяков, 1982. С. 123].

Несколько случаев переоформления предметов вооружения из собраний Хакасского республиканского (г. Абакан) и Минусинского регионального краеведческих музеев, относящихся к культуре енисейских кыргызов развитого и позднего средневековья, были проанализированы А. Л. и Ю. А. Петренко [2003]. Авторы обратили внимание на переоформление крепления некоторых пластин от пластинчатого панциря – куяка из оружейного клада, обнаруженного в окрестностях г. Абазы на юге Минусинской котловины и привезенного в Абаканский музей археологом А. Н. Липским. У некоторых пластин этого панциря заклепки, предназначенные для крепления металлических деталей к матерчатому покрытию, были размещены поверх уже имевшейся системы отверстий. Авторы полагают, что такое переоформление крепления могло произойти в результате сборки или ремонта панцирного защитного покрытия местным мастером. Аналогичные несоответствия расположения заклепок поверх прямоугольных ребер отмечены А. Л. и Ю. А. Петренко на пластинах от панциря – бригадины, найденных в Минусинской котловине. Набор пластин от этого панциря экспонируется в Минусинском музее. Как считают исследователи, на Среднем Енисее в развитом и позднем средневековье существовала настоящая традиция «переоформления панцирей... определенного типа, попадавших на территорию Минусы как предмет экспорта или военные трофеи и переоформлявшихся местными мастерами в бригадины с помощью более простой системы креплений» [Петренко, Петренко, 2003. С. 62–64]. Несколько аналогичных пластин от панциря (бригадины) имеется в Абаканском музее, но, как удалось выяснить, они были переданы в этот музей при его создании из собрания Минусинского музея.

Впрочем, иногда панцирные пластины использовались и в качестве металлических заплат для ремонта и переоформления других железных предметов вооружения. По наблюдениям А. Л. и Ю. А. Петренко, прямоугольная пластина с заклепками от панциря послужила заплатой для шлема, у которого было отломано навершие (шлем хранится в фондах Абаканского музея). С помощью этой заплаты и прикрепления к куполу дополнительного венчика и ушек

шлем, по мнению исследователей, был переоформлен в ведро [Петренко, Петренко, 2003. С. 59–61]. Однако нельзя исключать, что данный шлем был отремонтирован местными мастерами в позднем средневековье для того, чтобы использоваться по своему прямому назначению. Схожий по конструкции шлем со сфероконическим куполом и боковыми петлями для крепления ремешка имеется в собрании Улангомского музея в Монголии [Бобров, Худяков, 2003].

Однако нельзя не согласиться с А. Л. и Ю. А. Петренко в том, что после угона енисейских кыргызов джунгарами в начале XVIII в. и последующего включения территории Минусинской котловины в состав Российского государства коренное население этого района постепенно утратило свою «милитарную традицию», перестало заниматься военной деятельностью, а предметы существенно устаревшего к тому времени холодного оружия пытались переоформить для того, чтобы использовать для своих хозяйственных нужд. В качестве примера подобного переоформления авторами приведен обломанный клинок средневековой кыргызской сабли с сохранившимся черном, экспонирующийся в Минусинском музее. На лезвии сохранившейся части клинка этой сабли были выточены зубцы, что позволяло использовать этот предмет в качестве ручной пилы – ножовки. По мнению исследователей, подобное изменение первоначальной функции данного предмета отражает вполне самостоятельную тенденцию в переоформлении оружия, которая отчетливо проявилась у коренного населения Среднего Енисея в более позднее время – этнографическое. Эта тенденция «представляет собой утилизацию предметов вооружения, приспособление их под хозяйственные нужды. При этом предмет теряет свои функции и приобретает новые» [Петренко, Петренко, 2003. С. 64].

В подтверждение этого заключения можно привлечь еще одну интересную находку, хранящуюся в фондах Хакасского республиканского музея, которая была осмотрена и зарисована при любезном содействии сотрудника этого музея археолога А. Н. Липского одним из авторов настоящей статьи в 1973 г. По сведениям, полученным от А. Н. Липского, предмет был обнаружен в долине р. Абакан и передан находчиками на хранение в музей в начале 1970-х гг. Он

представляет собой сохранившуюся верхнюю часть клинка кинжала – так называемого *бебута* российского производства образца 1908 г., входившего в состав холодного оружия артиллеристов и пулеметчиков в начале XX в. [Müller, Kölling, 1986. S. 360, 426]. Черен – прямая цельнокованная полоса, верхняя часть которой имеет полуовальную форму (см. рис. ниже). В центре черена и у основания клинка имеются округлые отверстия. Вероятнее всего, через эти отверстия с обеих сторон к черену крепились составные части деревянной рукояти, соединявшиеся с помощью обоймы и заклепок. От клинка сохранилась верхняя, сравнительно большая часть полосы *бебута*. Она имеет треугольное сечение – клинок сужается от спинки к лезвию. По обеим сторонам полосы, в ее центральной части, от черена к острию проходит два ребра. Клинок имеет плавный изгиб от рукояти к острию. Размеры фрагмента *бебута*: общая длина – 41,5 см; длина сохранившейся части клинка – 26,5 см; ширина клинка – 4 см; длина черена – 15 см.

На клинке прослеживаются следы переоформления изделия в современный рубяще-режущий инструмент – обломанный конец клинка заточен под тупым углом от лезвия к спинке, образуя косой срез, подобный острию китайских палашей. Вряд ли автор переоформления сознательно стремился к тому, чтобы придать острию подобную форму. Вероятнее всего, заточенный косой срез соответствует облому клинка. Если судить по длине клинка, находка из Хакасского музея короче оригинала не менее чем на 17 см.

Судя по приведенным примерам, местные кузнецы пронесли традицию переоформления предметов вооружения или их сохранившихся частей в пригодные для использования орудия труда и бытовые инструменты со средних веков до этнографии

русской современности. Вероятно, и русские люди могли не только доставлять сюда современные изделия российского производства, но и подвергать утилизации вышедшие из употребления или поломанные вещи, например образцы холодного оружия. Таким образом, традиция переоформления могла быть общей характерной чертой для разных групп населения региона как в прошлом, так и настоящем.

Список литературы

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 1. 381 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Парадные монгольские шлемы эпохи позднего средневековья из собрания Государственного Эрмитажа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 33–40.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII в. // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. № 11. С. 138–155.

Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М., 1998. 84 с.

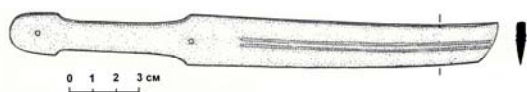
Кубарев В. Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 25–36.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.

Лившиц В. А. Согдийский «акинак» на Восточном Алтае // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы междунар. конф. 2–5 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 282–283.

Петренко Ю. А., Петренко А. Л. Переоформление предметов вооружения на Среднем Енисее в позднем средневековье (по материалам Минусинского и Абаканского музеев) // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск, 2003. С. 59–65.

Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.

Переоформленный фрагмент кинжала (*бебу-та*) из фондов Хакасского национального музея им. Л. Р. Кызласова (железо)

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. 239 с.

Худяков Ю. С. Оружие как исторический источник // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 5–10.

Худяков Ю. С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995. 98 с.

Худяков Ю. С. Торговые пути, связывавшие Южную Сибирь и «Великий шелковый путь» // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Сер. 3. История. Право. 1997. Вып. 3. С. 8–13.

Худяков Ю. С., Баяр Д. Средневековый памятник в местности Нахиугийн-Манхан в пустыне Монгол Элс // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 36–44.

Müller H., Kölling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin, 1981. 448 S.

Материал поступил в редколлегию 18.04.2008

A. Yu. Borisenko, Yu. S. Khudyakov

**TRADITIONS OF RESHAPING WEAPON IN THE POPULATION
OF KHAKASS-MINUSINSK BASIN IN THE PERIOD FROM THE MIDDLE AGES
TO THE ETHNOGRAPHICAL PRESENT**

In the article are examined the cases of reshaping the objects of shielding and offensive armament in the population of Khakass-Minusinsk basin in the period from the middle ages to the present both the local production and imported. Is carried out the detailed analysis of the object, redrafted from the dagger (so-called bebut) of the Russian production of beginning XX (it is found in the valley Abakan). This finding testifies that the tradition of reshaping the left the use or broken objects of armament was preserved in this territory even in the period of the ethnographical present.

Keywords: Khakass-Minusinsk basin, shielding armament, armors, helmets, sabre, daggers.